

Партия донны Анны
в постановке «Дон
Жуана» Моцарта
в Большом театре
принесла Альбине
номинации на две
престижные премии:
Художественного теа-
тра и *Casta Diva*

ПРИБЛИЖЕНИЕ К МУЗЫКЕ

Альбина Латипова о заразительном барокко, непростом пути на сцену Большого, эмоциях материнства и о том, чему стоит поучиться у пианистов

Т ТЕКСТ \ Ирина Залогина

В июле на Новой сцене Большого театра ожидается финальная премьера сезона: опера Гектора Берлиоза «Беатриче и Бенедикт». Одну из главных ролей в этой постановке исполняет Альбина Латипова – молодая и стремительно восходящая оперная звезда.

Альбина, какую партию вы исполняете в опере «Беатриче и Бенедикт»?

Я пою партию Геро – моя героиня с нетерпением ждет, когда ее возлюбленный Клавдио вернется из похода и они наконец поженятся. Это лирическая роль, но в представлении режиссера Александра Петрова в ней есть и юмор, и колкость.

В Большом театре 17 сопрано. Как устроена жизнь в труппе, велика ли конкуренция?

Прежде всего, в Большом театре огромный репертуар, а все сопрано в нем подразделяются на категории: колоратурное, лирическое, драматическое и другие. Программа составляется так, чтобы у каждой исполнительницы было хотя бы несколько спектаклей в течение месяца, и у каждой – более или менее свой репертуар. Если говорить о конкуренции, в театре я ее вообще не почувствовала. Про Большой много чего говорят, но я встретила очень теплые отношения со стороны старшего поколения: они выступали как наставники, давали полезные советы – например, где стоять на сцене, чтобы тебя было лучше слышно.

Была ли у вас мечта стать певицей Большого театра?

В детстве никогда об этом не думала, просто хотела приблизиться к музыке и сама попросила, чтобы меня записали в музыкальную школу. Я даже об опере не думала до какого-то курса в музыкальном колледже. А вот после колледжа в Казани поехала в Москву поступать в консерваторию, потому что хотела учиться у конкретного педагога: у профессора Галины Алексеевны Писаренко. Если бы она преподавала в другом

месте, я бы поступала к ней туда, где она преподает. У Галины Алексеевны училась Альбина Шагимуратова – колоратурное сопрано, обладательница премии «Золотая маска», – и я, когда ее слушала, думала: «Боже, как она поет, я тоже хочу заниматься с ее педагогом и научиться такому мастерству».

В консерваторию вы поступали несколько лет подряд, верно?

Да, три года. И пока поступала, два года проучилась в Казанском государственном университете культуры, в это же время продолжая заниматься у Клавдии Захаровны Щербининой – моего педагога в колледже, которая преподавала мне все основы.

Из консерватории я вышла с «корочкой» и долго не могла найти для себя место. Я звонила во все театры в Москве: в «Новую Оперу», в Театр Станиславского и Немировича-Данченко, в Театр Покровского, Театр Сац, и нигде меня даже не позвали на прослушивание. «Сопрано нам не нужны, нам нужен тенор, бас, ультра-колоратура, а вашего типа голоса у нас есть свои». В результате устроилась работать в музыкальную школу преподавателем вокала. Конечно, это было не то, чем я мечтала заниматься, но когда ты получаешь 10, 15, 20 отказов – в какой-то момент начинаешь сомневаться в себе. И находишь другие пути. Преподавание казалось

Я звонила во все театры в Москве, и нигде меня даже не позвали на прослушивание: «Сопрано нам не нужны, у нас есть свои»

мне достаточно интересным делом, я сама училась в процессе. Смотрела на детей и думала: «О, если они могут эту ноту взять, то и я могу!»

Трамплином для вашей карьеры стал проект «Молодые голоса» в Зальцбурге. Как вы в него попали?

Хотела попробовать поучиться за границей, получить стипендию. Но я не тот человек, у которого что-то получается с прослушиванием по видеозаписи. И с Зальцбургом был тот единственный раз, когда мне ответили – пригласили участвовать в их молодежной программе летом. Это был очень важный опыт, благодаря которому я оказалась готова к прослушиванию в Большом театре.

У вас уже солидный список интересных ролей: донна Анна в «Дон Жуане», Гиневра в «Ариоданте», да и «Царская невеста», которую мечтаете исполнить, уже числится в вашем репертуаре...

«Царскую невесту» я пела в Центре оперного пения Галины Вишневской, но не в Большом. Эта опера – яркое впечатление моей юности, так бывает, когда впервые слышишь какую-то музыку, она тебя трогает до самого сердца и ты начинаешь думать о том, как будешь ее исполнять.

А какой опыт вам дала работа в Центре Вишневской?

Центр Вишневской всегда позиционировал себя как место между театром и консерваторией. Я пришла туда как раз после консерватории, чтобы научиться чему-то интересному и новому. Там я много пела в хоре, но в этом есть и минусы, и плюсы: хор – это большая нагрузка, но я получила сценический опыт, которого у меня на тот момент не было. В консерватории нас не учили, как вести себя на сцене, как носить костюм, – там за все пять лет обучения человеку, как правило, перепадает одна партия в дипломном спектакле. Я, например, спела Сюзанну. А когда выходишь на сцену регулярно, приходят новые навыки, учишься →

рассчитывать свои силы и можешь петь весь день. Это была невероятная школа.

Помимо Большого, вы участвуете в разных концертных проектах. Например, весной исполняли Вивальди вместе с оркестром «Новая Камерата», который играет на барочных инструментах.

Да, благодаря сотрудничеству с Еленой Харакидзян я выступаю и в качестве камерной певицы. Елена услышала меня впервые в 2018 году, а с 2020-го мы начали активно вместе работать, и не только в рамках ее фестиваля «Опера Априори».

Если говорить о программе Вивальди, мне кажется, в барочной музыке у тебя больше возможностей высказаться, потому что у нас нет эталона, мы не знаем, как они играли, не с чем сравнивать. Очень рада, что существуют такие проекты и я могу в них участвовать. Хочется больше барочной музыки!

Какие еще концертные проекты с вашим участием можно будет увидеть в этом году?

Осенью у меня планируется дебют с Немецким реквиемом Брамса вместе с РНО и маэстро Рудиным – мы познакомились с ними во время моего первого выступления в Московской филармонии с Мессой до мажора Бетховена. Будут камерные высту-

Я увидела, как пианисты пашут, не вставая, по шесть-семь часов, и поняла, что мне тоже нужно научиться так выкладываться

пления с музыкой Стравинского, Шпора, Шумана, Лохнера в Москве. И с нетерпением жду концерт в родной Казани с романсами Рахманинова и Римского-Корсакова. Аккомпанировать будет замечательный пианист Юрий Мартынов.

У вас есть любимое концертное платье?

Первое мне сшили в музыкальной школе, потом было еще несколько. Мое любимое было бальное, не реального бирюзового цвета платье – пышное, открытое, с корсетом. Я его очень любила, выходила в нем до последней возможности, даже латали его несколько раз. Мечтаю встретить мастера, который сошьет

«На постановке «Ариоданта» Генделя в Большом театре дирижер Джанлука Капуано буквально заразил нас любовью к барочной музыке. Он говорил: «Барокко – это же рок!» За полтора месяца постановочного периода открыл нам целый мир новых красок»

мне такое же, но до сих пор не могу найти тот цвет – ослепительно яркая бирюза.

Для оперной певицы родить ребенка прямо в начале карьеры в театре – это, кажется, непростое решение. Сразу масса вопросов: а что будет с фигурой, а кто будет сидеть с малышом, смогу ли я работать?.. Как это было у вас?

Честно сказать, я не боялась ничего из этого. Я всегда мечтала иметь семью, даже думала, что к двадцати четырем годам у меня уже будет двое детей. Сейчас мне уже больше двадцати четырех, а ребенок пока только один. Я чувствую, что мой голос богатеет и обретает новые краски, в нем уже нет чего-то детского. И мне не хочется ставить себе никаких ограничений – зачем? Ведь можно и работать, и наслаждаться материнством – играть, гулять, видеть мир глазами ребенка и радоваться всему: «Боже, он стоит, стоит, а-а-а! Боже, он пошел! Он смотрит на книжку, он что-то понимает!» Все эти эмоции обогащают и работу тоже.

Собираетесь учить сына музыке?

Обязательно! Я знаю, как музыка важна для развития мозга: задействованы и творческое начало, и аналитическое, и моторные зоны.

А чем вам запомнилась учеба в консерватории?

Студенчество – самое радостное время: свободное, захватывающее. Я жила в общежитии, училась, мы ходили в театры. Родители меня поддерживали, спасибо им большое. Понятно, что это была жизнь без излишеств,

но я умела готовить, и это существенно экономило бюджет. И еще я была отличницей, получала сначала повышенную стипендию, а потом еще и президентскую. В итоге выходило целых восемь тысяч рублей – вау!

Общежитие у нас было старое: кухня на этаже, душ в подвале. Надо было вставать в шесть утра и идти занимать очередь, чтобы позаниматься в репетиционном зале с шести до девяти. Но музыканты – настоящие фанатики. До приезда в Москву я не думала, что музыкант должен так много работать и заниматься. Я увидела, как пианисты пашут, не вставая, по шесть-семь часов с перерывами на 15 минут, и поняла, что мне тоже нужно научиться так выкладываться. Моими соседями были скрипачка и музыкант-теоретик, я дружила со скрипачами, с пианистами, с курсом теории музыки. И наши разговоры помню до сих пор: десять вечера, все уже назанимались, мы собираемся и обсуждаем концерты. Золотое время!

Ваш муж когда-нибудь предлагал вам: «бросай работу, сиди дома с ребенком»?

Когда я еще работала в школе и преподавала музыку детям, предлагал, конечно. Но в театре – это уже другая карьера. И мне кажется, только сейчас, когда спектаклей стало намного больше, а вместе с ними и цветов у нас дома, он начал осознавать, что это за труд. Я стараюсь, чтобы он не ощущал разницы, но, конечно, внимания ко мне уже не скроешь.